

Глава 2

— Ты, должно быть, всё слышал. Тот молодой господин Кан здоров, красив и готов пойти к нам в зятя. Как тебе?

Проводив сватью, госпожа Чэнь, отбросив радостное возбуждение, вернулась в кухню.

В очаге горел огонь, в котле грелась вода. Фань Цзин сидел у огня и занимался своей правой рукой. Он посыпал ладонь толчёным мелом, и кровь, сочившаяся из глубокого пореза, тут же начала останавливаться. Увидев вошедшую мачеху, он как ни в чём не бывало сжал кулак и принялся скручивать конопляную нить, чтобы починить тетиву лука.

Госпожа Чэнь, конечно, заметила рану, но у тех, кто живёт лесом, вечно то царапина, то синяк. Если обо всём беспокоиться, то и жизни не хватит. К тому же Фань Цзин, похоже, и сам не обращал на это внимания и вряд ли хотел бы выслушивать причитания. Поэтому она сделала вид, что ничего не видит.

Сложив руки на груди, она неловко кашлянула. Она немного робела перед этим юношей, поэтому привела с собой мужа.

Вдвоём они спросили его мнения.

Фань Цзин, проверяя натяжение новой тетивы, даже не поднял головы. Лишь спустя мгновение он бросил:

— И такой хороший пойдёт к нам в зятя?

От его вопроса голос госпожи Чэнь стал тише:

— В браке всё решает судьба. Тот молодой господин не во всём хорош. Сватья честно сказала, что он... немного не в себе.

Боясь, что он рассердится, она поспешно добавила:

— Ты же знаешь, какие сейчас времена. Любой приличный жених нос задирает. Семьи, где есть дочери, наперебой за них борются, приданое одна другой больше дают.

— Недавно Ли Цзаожэнь из соседней деревни выдавал замуж своего гэра, так в приданое отдал целого осла. И это не всё, говорят, ещё и денег больше десяти связок отдал семье жениха.

— И ладно бы зять был какой-то особенный, а то ведь лицо лошадиное, сам низкий да тощий, тебе и в подмётки не годится. И семья у него — обычные крестьяне, разве что на несколько соток земли больше. Единственное достоинство — умеет делать ароматические свечи да на ярмарках ими торгует.

— А ведь семья Ли — люди небедные, и гэр у них на всю деревню славится своим умом и трудолюбием. И в итоге достался ему вот такой, да ещё и с таким приданым.

— Раньше бы все сказали, что семья Ли ослепла. А сейчас — обычное дело.

Закончив, она вернулась к главному:

— Наша семья не чета семье Ли, откуда нам взять такое приданое? А отец не хочет отпускать тебя далеко, мечтает о зяте в доме. Но в нынешние времена об этом и заикнуться стыдно.

— И вот, наконец, подвернулся случай, нашёлся тот, кто готов прийти к нам. Не до жиру, быть бы живу. Лишь бы человек был сносный, и то хорошо, правда?

Фань Цзин молчал, продолжая чинить лук, словно всё это его не слишком заботило. Он прекрасно понимал: и то, что у семьи нет денег на приданое, — правда, и то, что они не хотят его отпускать, — тоже правда. Вот только это «не хотят» было не от большой любви.

Семь соток земли едва-едва кормили их, но в годы войны налоги выросли в несколько раз, и семья влезла в долги. Если бы не его лесной промысел, который приносил хоть какой-то доход, они бы давно пошли по миру. Если он женится и уйдёт, семья лишится единственного кормильца.

В последние годы женихи не давали выкупа, наоборот, требовали огромное приданое. Отдать последнее, да ещё и влезть в новые долги, чтобы он ушёл в чужой дом? Конечно, они этого не хотели.

Ему было уже за двадцать, он давно перешагнул тот возраст, когда можно было рассчитывать на хорошую партию, и уже ни о какой женитьбе не помышлял. Он был готов прожить всю жизнь один, лишь бы сэкономленные на его свадьбе деньги пошли на уплату долгов, а потом можно было бы скопить и на приданое для сестёр, Чжэньэр и Цяоэр.

Но семья считала, что это позор, и всё равно хотела его пристроить.

Госпожа Чэнь не знала, о чём он думает. Обычно из него и слова не вытянешь, но в таком важном деле его молчание сводило с ума. Она толкнула локтем мужа.

Отец Фань, хоть и был мужчиной крупным, но с его смуглым квадратным лицом и толстыми губами выглядел как простой, безобидный крестьянин. Он боялся Фань Цзина не меньше жены. Открыв рот, он завёл старую, заезженную пластинку:

— Старший, тебе уже пора жениться. В деревне у твоих ровесников уже по двое детей.

— Мы столько лет ищем тебе пару. Наши деревенские к нам идти не хотят, а тебе подходящей партии, чтобы уйти, не нашлось.

— Если ты не женишься, как я потом на том свете твоей...

Отец Фань называл его «старшим». В семье было трое детей: Фань Цзин, Фань Чжэньэр и Фань Цяоэр. Фань Цзин и вторая дочь, Чжэньэр, были от одной матери. Третья, Цяоэр, — от второй жены, госпожи Чэнь.

Он не успел договорить, как Фань Цзин резко встал, напугав их обоих.

— Если считаете, что это хороший вариант, поступайте, как знаете.

Он бросил эту фразу ровным, безразличным тоном — ни радости, ни гнева. Взяв починенный лук, он ушёл в свою комнату.

Отец Фань и госпожа Чэнь переглянулись.

Госпожа Чэнь решила, что раз он не сказал «нет», значит, согласен. Не в силах скрыть радость, она крикнула ему в спину:

— Старший, значит, решено! Я передам ответ сватье! Сначала смотрины, а если не понравится,

будем думать дальше!

Фань Цзин не ответил. Вернувшиеся с луга Фань Чжэньэр и Фань Цяоэр уже слышали, что в доме была сватья, и прибежали поглазеть, но опоздали. Спросить старшего брата они не решились и принялись донимать сияющую от радости мачеху, расспрашивая, что за жених и из какой семьи. Госпожа Чэнь пожурела их для вида, но не удержалась и поделилась новостями.

Через два дня сватья и вправду принесла весточку. Ровно через три дня, пятнадцатого числа, на ярмарке у храма на Обезьяньей горе, состоятся смотрины.

Супруги Фань согласились. Если устраивать смотрины дома и жених не понравится, будет неловко. Да и соседи начнут судачить. А на ярмарке — в самый раз. Если что не так, просто разойдутся, и никто ничего не заметит.

В назначенный день Фань Цзин, зная, что ему предстоят смотрины, не стал упрячиться. Раз уж пообещал, то не будет портить дело. Вечером он вымылся, а утром надел чистую одежду.

Госпожа Чэнь, кипятившая воду в кухне, увидела, как он вошёл. Волосы туго стянуты, вид хоть и не праздничный, но опрятный. Вот только на плече — звериная шкура, а на поясе — короткий нож. Высокий, сильный, ни капли гэровской утончённости — выглядел он грозно.

Госпожа Чэнь вздохнула. Она была благодарна уже за то, что он согласился пойти, и не стоило требовать большего. Но ей не хотелось, чтобы такой редкий шанс был упущен. Она ласково попросила его переодеться во что-нибудь более приветливое.

После нескольких уговоров Фань Цзин, не выдержав её причитаний, уступил. Сняв привычную шкуру, он достал со дна сундука старый, выцветший синий халат.

Наконец, отец Фань, госпожа Чэнь и Фань Цзин отправились на Обезьянью гору, оставив Чжэньэр и Цяоэр присматривать за домом. Уходя, госпожа Чэнь прихватила корзинку, словно и вправду шла на ярмарку помолиться.

Фань Цзин хотел было взять с собой лук и стрелы — авось на горе подстрелит фазана или утку, чтобы не зря день пропадал. Но родители принялись его уговаривать, и в итоге Чжэньэр унесла лук в дом. Короткий нож он, однако, снять отказался, и им пришлось смириться.

Когда они вышли, небо было затянуто тучами, но стоило им ступить на большую дорогу, как выглянуло солнце, и стало тепло.

От деревни до храма на Обезьяньей горе было почти два часа ходу, но все трое шли быстро и добрались до подножия горы чуть больше чем за час. В спешке они забыли взять с собой флягу с водой.

Госпожа Чэнь, не привыкшая к таким переходам, устала, спина взмокла, а губы пересохли.

— Договорились встретиться под священным баньяном. Их, похоже, ещё нет. Да Цзин, подожди здесь, а я схожу к монахиням, попрошу воды.

Отец Фань, вытирая пот с лица, сказал:

— Я тоже пойду выпью.

Они ушли в храм, а Фань Цзин остался ждать.

Храм на Обезьяньей горе был небольшим, в основном его посещали крестьяне из окрестных деревень. Горожане предпочитали ездить в Храм Золотой Вершины. После жатвы у крестьян появилось свободное время, и у храма было многолюднее обычного.

Глядя на снующих туда-сюда людей, Фань Цзин почувствовал себя неудобно. Его руки привыкли к луку и копьё, а теперь стоять вот так, без дела, было непривычно. Он с нетерпением ждал, когда же они придут. Чем скорее всё закончится, тем лучше. Погода сегодня стояла отличная, и ему было жаль терять день, который можно было бы провести в горах.

Пока он размышлял, его кто-то толкнул. Он, хоть и худой, но стоял крепко, однако от толчка отступил на пару шагов.

Подняв голову, Фань Цзин увидел перед собой высокого молодого мужчину ростом под восемь чи. Черты лица правильные, можно было бы даже назвать его красивым. Но Фань Цзин не обратил на это внимания. Он заметил, как тот озирается по сторонам, и вид у него был совсем не как у паломника.

Фань Цзин нахмурился и инстинктивно потянулся к поясу, проверяя кошелёк.

— П-простите...

Мужчина, встретившись с ним взглядом, на мгновение замер. Затем, увидев, что Фань Цзин тянется к поясу, он, видимо, решил, что тот собирается выхватить нож, и поспешно, заикаясь, извинился.

Фань Цзин заметил, что у мужчины странный акцент. Говорил он на местном диалекте, но с какой-то столичной интонацией. «Неужто чужак?» — подумал он.

Но он не был любителем лезть в чужие дела. Убедившись, что деньги на месте, он бросил:

— Ничего.

С этими словами он отвернулся и отошёл в сторону.

Не успел он сделать и двух шагов, как позади раздался запыхавшийся, раздражённый голос:

— Ах ты, мой золотой! Ну и напугал ты меня! Если бы ты потерялся, как бы я твоим родителям в глаза смотрела?

— Даже если тебе так нравится ярмарочная суэта, мог бы и подождать меня!

Голос показался Фань Цзину знакомым. Он обернулся и тут же услышал:

— А! Старший гэр семьи Фань!

— А вы рано!